

На правах рукописи

Фесенко Ольга Петровна

**КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ФРАЗЕОЛОГИИ
ДРУЖЕСКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск 2009

Работа выполнена на кафедре русского языка
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Демешкина Татьяна Алексеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Богословская Зоя Матиновна

доктор филологических наук, профессор
Панин Леонид Григорьевич

доктор филологических наук, профессор
Фельде Ольга Викторовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Московский государственный
гуманитарный университет им. М.А. Шолохова»

Защита состоится « » _____ 2009 года в __ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.267.05 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Томский
государственный университет» по адресу 634050, Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского
государственного университета.

Автореферат разослан « » _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

Л.А. Захарова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования

Диссертация посвящена комплексному исследованию фразеологии дружеских писем пушкинского периода. Еще Н.М. Карамзин на рубеже XVIII-XIX веков выдвинул «необходимый писателю принцип фразеологического творчества», который стал ориентиром для всех его современников и последователей. В.Г. Белинский называл конец XVIII века-начала XIX (20-е годы) «веком фразеологии». Но несмотря на это фразеологизмы, функционирующие в первой трети XIX века, традиционно включались в сферу современного русского языка и особого внимания исследователей практически не привлекали. Кроме того, как отмечают авторы Проекта словаря русского языка XIX века (2002), «попытка нормативной оценки с современных позиций текстов более чем столетнего периода (от Пушкина до наших дней) оказалась иллюзорной и в целом ряде случаев вела к искажению исторической перспективы»¹. В связи с этим рассмотрение фразеологии пушкинской поры становится наиболее актуальным.

В настоящее время достижения отечественной фразеологической науки связываются не только с традиционным изучением структурных и семантических явлений, но и с рассмотрением ее как культурного кода нации, анализом фразеологизмов в аспекте отражения эволюции языка и языковой личности (А.А. Алтыбаев 1977, Ю.В. Архангельская 2005, Л.М. Бондарева 1994, Е.Г. Доронина 2004, С.В., Е.В. Лаврушина 1999, Б. Подгурска 1990, В.Н. Телия 1996), выявлением роли фразеологизмов в формировании идиостиля отдельных авторов (М.А. Багдасарян 1986, М.В. Голуган 1988, И.В. Попова 1987), анализом общеязыковых и окказиональных трансформаций фразеологизмов (В.В. Бойченко 1993, Л.М. Бондарева 1994, И.Ю. Третьякова 1993, Н.В. Халикова 1997). Изучение фразеологизмов осуществляется в коммуникативно-прагматическом, функционально-стилистическом и когнитивном аспектах (М.В. Голуган 1988, А.М. Григораш 1991, Е.А. Добрындеева 2000, Л.В. Ковалева 2004, Г.Ю. Никипорец 2000, Т.В. Пономарева 2002, Н.А. Рябинина 2005), фразеологические единицы рассматриваются как элементы дискурса (Н.Ф. Алефиренко 2004, Л.Г. Золотых 2006, А.В. Малюгина 2007, Е.Р. Ратушная 2000, Е.А. Федоркина 2006).

Актуальным для решения целого ряда обозначенных выше проблем является обращение лингвистов к дружеским эпистолярным текстам, исследование которых в отечественной лингвистике имеет свои тенденции. Объектами изучения являлась дружеская переписка ученых, выдающихся государственных деятелей, писателей, дворянской и разночинной интеллигенции, купеческого сословия XIX-XX веков. Исследованию подвергались разные стороны эпистолярия: роль эпистолярного наследия в творчестве писателя, литературной эпохи или периода развития языка (Н.И. Белонова 1995, И.А. Вяткина 2007, О.Ю. Кустова 1998, Н.В. Логунова 1999, Н.В. Шевцова 2004), история письма, особенности его развития как жанра (М.В.

¹ Цит. по: Словарь русского языка XIX века: Проект. - СПб.: Наука, 2002. - С. 6-7.

Баркова 2006, Е.Е. Дмитриева 1986, А.М. Дубинина 2005, А.В. Курьянович 2007, У. Тодд 1994); функционирование лексических и фразеологических единиц и авторских видоизменений последних (Ю.В. Архангельская 2005, М.В. Голуган 1988, Н.Г. Самойлова 1969); проблемы прагматики частной переписки (А.В. Белова 2005, Н.В. Бочкова 2004), особенности речевого этикета в эпистолярной (Н.Е. Богуславская 1990, И.А. Измestьева 2002). Особую значимость получили культурологический и социологический аспекты в изучении писем, которые рассматриваются как отражение духовной культуры определенных социальных слоев населения в целом. Письмо стало изучаться в коммуникативном аспекте, что позволило рассмотреть эпистолярный через призму таких понятий, как речевой акт, речевая реализация, речевое поведение, речевые стереотипы (Т.Н. Кабанова 2004, Каирова 1986, Н.А. Ковалева 2000, А.В. Курьянович 2001, Н.Ю. Чигридова 1999). Кроме того, в последние годы дружеский эпистолярный анализируется как тип дискурса (С.В. Гусева 2006, Н.В. Сапожникова 2005, О.С. Сыщиков 2000). Однако законченной дискурсивной теории пока в науке не разработано: требует изучения дискурсивная природа письма, обнаруживается необходимость выявления дискурсивных свойств дружеского эпистолярного, его концептосферы. Обозначенные проблемы находят свое отражение в реферируемой работе.

При выборе эпистолярного как источника фразеологического материала важным для нас явился тот факт, что частное письмо создается в процессе общения и отражает на языковом уровне контакт и межличностные отношения между автором и адресатом. Именно дружеские письма, в отличие от текстов художественной литературы, дают возможность исследователю языка изучить фразеологию в речи, в «живом» употреблении.

Эпистолярное наследие первой трети XIX века особенно пристально изучается в современной науке (З.М. Иванова 1999, Н.А. Ковалева 2002, Н.В. Логунова 1999, Г.В. Морозов 1999, Г.Б. Омарова 2004, Л.А. Филиппов 1999), поскольку тексты пушкинского периода дают возможность исследователю проследить особенности становления современного русского языка (в широком понимании термина), его системы стилей, функционирования синтаксических конструкций, лексики, фразеологии и т.п.

Фразеология дружеского эпистолярного дискурса первых трех десятилетий XIX столетия сочетает в себе как отличительные черты сложной, переходной языковой эпохи (связанной с формированием нового узуса в системе русского языка), так и дискурсивные особенности дружеского письма (как жанра, максимально приближенного к разговорной речи). Поэтому поставленные проблемы оказываются тесно связанными с анализом дискурсивной природы эпистолярного, проявляющейся на всех уровнях организации писем, в том числе в сфере фразеологии. Однако при всей широте рассмотрения эпистолярного наследия пушкинского периода многие обозначенные аспекты требуют более глубокого изучения, что так же обуславливает актуальность работы.

Центром исследования особенностей эпистолярных текстов в современной лингвистике становится языковая личность автора, которая

получает наибольшее отражение в жанре частной переписки. Анализируются различные уровни проявления языковой личности (Н.И. Гайнуллина 1996, О.А. Левоненко 2003), выявляется специфика воздействия автора на адресата (Э. Ксажек 1999), исследуется фактор адресата в эпистолярной (О.Ю. Подъяпольская 2004). В целом интерес исследователей к частной переписке определяется тем, что письма наиболее приближены к ситуации непринужденного общения, раскованы, свободны в речевых проявлениях и дают возможность обратиться к проблемам лингвоперсонологии, как одному из актуальнейших направлений в изучении различных типов текстов.

При рассмотрении комплекса анализируемых в диссертации проблем мы обратились к достижениям современной фразеологии, переживающей период бурного развития. За последние 20 лет было создано более 10 фразеологических словарей различного типа: диалектные фразеологические словари, словари фразеологических синонимов и омонимов; словари, представляющие культурологический и лингвострановедческий аспекты фразеологии русского языка и ее полевою организацию. В словарях характеризуются грамматические свойства фразеологизмов, особенности их семантической проницаемости, словообразующие и фразеобразующие потенции, специфика употребления в живой речи, история рождения и функционирования фразеологических единиц. Однако дискурсивные и структурно-семантические особенности фразеологии дружеских писем первой трети XIX века до сих пор в полном объеме не отражались лексикографическими источниками русского языка. В связи с этим разработка словаря, способного системно представить фразеологию как элемент эпистолярного дискурса, становится актуальной.

Объектом исследования является фразеология дружеских писем первой трети XIX века.

Предмет исследования – структурно-семантический, функциональный, дискурсивный и лексикографический аспекты исследования фразеологизмов, проявляющиеся в дружеском эпистолярном дискурсе пушкинского периода в тесном взаимодействии.

Цель исследования - осуществить комплексное многоаспектное описание фразеологического состава дружеской переписки пушкинского периода, показать фразеологические единицы в употреблении как отражение дискурсивной природы дружеского письма.

Достижению поставленной цели служит решение следующих **задач**:

1. Определить дискурсивную природу эпистолярных текстов: разработать дискурсивную теорию дружеских писем, раскрыть их дискурсивные свойства.
2. Выявить состав фразеологических единиц (далее – ФЕ) в эпистолярной пушкинского периода; проанализировать их семантическую организованность и особенности структурного варьирования. Проследить специфику реализации дискурсивных свойств эпистолярной через особенности употребления фразеологизмов различных семантико-грамматических классов и типов фразеологических вариантов в письмах разных авторов.

3. Исследовать особенности реализации дискурсивных свойств дружеских писем средствами фразеологии. Для этого необходимо, во-первых, выделить узуальные (основные и вариантыные) и трансформированные ФЕ, их соотношение и роль в письмах разных авторов, проследить специфику реализации трансформированными фразеологизмами дискурсивных свойств дружеского эпистолярия. Во-вторых, показать специфику использования ушедших из употребления в современном русском языке фразеологизмов разными авторами как отражение дискурсивных свойств эпистолярия. В-третьих, проанализировать концептосферу эпистолярного дискурса, репрезентируемую фразеологизмами, как форму реализации дискурсивных свойств дружеского эпистолярия. В-четвертых, рассмотреть особенности реализации фразеологическими единицами в дружеском эпистолярном дискурсе речевых функций в их взаимодействии.
4. Проследить взаимосвязь и взаимообусловленность различных аспектов исследования фразеологии (структурно-семантического, функционального и дискурсивного) в дружеском эпистолярии первой трети XIX века.
5. Составить фразеологический словарь дружеских писем пушкинского периода.

Теоретическая основа исследования

Разработка дискурсивной теории эпистолярия стала возможной благодаря многолетним исследованиям в области когнитивной и коммуникативной лингвистики, лингвокультурологии, теории языка и речевых жанров (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, В.Г. Гак, В.И. Карасик, М.В. Колтунова, Д.С. Лихачев, М.Л. Макаров, К.Ф. Седов, Т.Г. Скребцова, Ю.В. Шатин, Т.В. Шмелева). Выделение дискурсивных свойств дружеского эпистолярия опирается на результаты анализа жанровых и коммуникативных особенностей дружеских писем пушкинского периода (Н.И. Белунова, Н.А. Ковалева, А.В. Курьянович, Н.Л. Степанов, У.М. Тодд, Н.Ю. Чигридова). Применение комплексного анализа эпистолярной фразеологии - результат обобщения идей и концепций ведущих фразеологов современности (Н.Ф. Алефиренко, В.В. Виноградов, Е.А. Добрындеева, Л.Г. Золотых, А.В. Кунин, В.М. Мокиенко, Н.А. Павлова, Е.Р. Ратушная, В.Н. Телия, И.Ю. Третьякова, В.А. Фалина, А.И. Федоров, А.М. Чепасова).

Цель работы и специфика описываемого материала определили выбор методов исследования. Для решения поставленных задач использовались общие и специальные научные **методы и приемы**:

- описательный метод, включающий приемы наблюдения, сопоставления, интерпретации, обобщения и классификации материала, применялся для всех направлений исследования писем; также использовались отдельные приемы количественного, дистрибутивного, компонентного, историко-сравнительного анализа;
- лексикографический метод, включающий приемы сбора, обработки, интерпретации языковых данных, систематизации, картографирования словарных картотек, лексикографирования (составление словарных статей).

Научная новизна исследования обусловлена:

- 1) обращением к дискурсивной теории дружеского эпистолярного пушкинского периода, выявлением дискурсивных свойств дружеских писем (антропоцентричность, полифункциональность, креативность, диссимметрия);
- 2) осуществлением теоретически обобщенного комплексного исследования фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века (фразеологические единицы исследованы в структурно-семантическом, функциональном, дискурсивном, лексикографическом аспектах при совмещении синхронных и диахронических подходов к рассмотрению материала, что позволило установить их роль в формировании дискурсивной природы дружеских писем и одновременно выявить особенности становления фразеологической системы современного русского языка);
- 3) описанием концептосферы дружеского эпистолярного дискурса пушкинского периода;
- 4) разработкой концепции фразеологического словаря дружеских писем первой трети XIX века; обоснованием необходимости более полной лексикографической фиксации фразеологизмов пушкинского периода;
- 5) введением в научный оборот лингвистики писем А.А. Дельвига, Е.А. Баратынского, А.И. Одоевского;

Материал, на котором строится исследование, - дружеские письма пушкинского периода: эпистолярное наследие А.С. Пушкина (647 текстов), А.С. Грибоедова (73 текста), Н.М. Языкова (146 текстов), А.А. Дельвига (95 текстов), Е.А. Боратынского (68 текстов), И.И. Пущина (612 текстов), А.И. Одоевского (48 текстов), декабристов (24 текста). Из названных материалов приемом сплошной выборки извлечены ФЕ (1026 ФЕ, 5790 употреблений). Вслед за А.М. Чепасовой под фразеологизмом мы понимаем раздельнооформленную единицу языка, которая соотносится по общим и частным семантическим и грамматическим свойствам со словом определенной части речи, и, являясь раздельнооформленной, выражает единое целостное понятие².

В ходе работы проанализированы русскоязычные письма, авторство которых у исследователей не вызывает сомнения (1713 текстов). Черновики, коллективные и приписываемые эпистолярные тексты не являются объектом нашего исследования.

Теоретическая значимость

Разработана дискурсивная теория дружеского эпистолярного дискурса, выявлены его дискурсивные свойства.

Предложена методика комплексного исследования фразеологии дружеского эпистолярного дискурса как элемента дискурса.

Комплексность данного исследования заключается, во-первых, в том, что выявление дискурсивных свойств дружеского эпистолярного дискурса, реализующихся средствами фразеологии, предполагает совмещение традиционного структурно-

²Цит. по: Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов / А.М. Чепасова. - Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1983. - С. 4.

семантического и функционального анализа фразеологических единиц с концептуальным и дискурсивным. При этом структурно-семантическое и функциональное исследование фразеологизмов предваряет, сопровождает и определяет возможность концептуального и дискурсивного их изучения.

Во-вторых, комплексность определяется совмещением синхронного и диахронического аспектов при анализе фразеологических единиц. Ведущим аспектом является синхронный, поскольку в фокусе внимания находится фразеология дружеских писем первой трети XIX столетия. Динамика в изучении фразеологии проявляется при выявлении особенностей структурного варьирования ФЕ (обнаружении фразеологизмов, переходящих в разряд слов), в непрерывном развитии значений фразеологизмов, в переходе части фразеологических единиц из активного запаса русского языка в пассивный.

Внесен вклад в изучение вопросов структурной организации дружеских писем, концептуальной составляющей и коммуникативной направленности эпистолярных текстов; в разработку теории лингвоперсонологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, фразеологии, фразеографии, теории дискурсивного анализа.

Практическая значимость работы заключается:

- 1) в использовании результатов исследования в лексикографической практике: при составлении фразеологических словарей разного типа, в том числе фразеологического словаря XIX века;
- 2) в разработке методики комплексного анализа фразеологизмов, которая может использоваться при исследовании дискурсивных свойств различных типов текстов.
- 3) в применении результатов и материалов исследования в практике вузовского преподавания дисциплин «Фразеология современного русского языка», «Теория языка», «Коммуникативная лингвистика» и ряде специальных дисциплин, связанных с изучением различных аспектов фразеологии и эпистолярия. Результаты исследования могут быть использованы для разработки основ описания идиостиля писателя и представляют интерес при решении различных вопросов истории, семантики, прагматики фразеологии.

Апробация работы

Диссертация обсуждалась на кафедре русского языка Томского государственного университета (02.06.2009). Основные положения и выводы диссертационного исследования апробированы на 38 научных мероприятиях разного уровня (международного - 20, всероссийского - 15, регионального - 3), в их числе:

-международные конференции: «Пушкинские чтения» (Санкт-Петербург 2005, 2006), «Человек и язык в поликультурном мире» (Владимир 2006), «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания» (Москва 2007), «Системное и асистемное в языке и речи» (Иркутск 2007), «Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской» (Курган 2008), «Креативная языковая личность в этносоциокультурном и прагмалингвистическом контексте» (Екатеринбург 2008), «Гуманитарная наука сегодня» (Казахстан, г. Караганда 2009);

-всероссийские конференции и семинары: «Актуальные проблемы изучения языка и литературы» (Абакан 2002), «Язык. Время. Личность: Социокультурная динамика языковых явлений» (Омск 2002), «Русский язык XIX века: от века XVIII к веку XXI» (Санкт-Петербург 2006), «Семантика и прагматика слова в художественном и публицистическом дискурсах» (Томск 2008), «Актуальные проблемы общего и регионального языкознания» (Уфа 2008);

-региональные конференции: «Пространство культуры: исторические, философские и антропологические аспекты» (Омск 2008), «Языки культуры: историко-культурный, философско-антропологический и лингвистический аспекты» (Омск 2009) и др.

По теме диссертации опубликована 61 работа, в том числе три монографии, словарь и 11 статей в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов докторских диссертаций.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Дружеское письмо как форма дискурса создается в процессе общения и характеризуется наличием ряда дискурсивных свойств, проявляющихся через структурную и содержательную сторону письма: антропоцентричность, полифункциональность, креативность и диссимметрия.
2. Основной состав выявленных из эпистолярных текстов пушкинского периода ФЕ соответствует их современным словарным фиксациям. Однако изменения в структуре, семантике, сочетаемости и частоте употребления части фразеологизмов отличают фразеосистему первой трети XIX века от ее современного состояния.
3. Дискурсивные и системные свойства фразеологизмов проявляются в тесном взаимодействии.
4. Частота употребления фразеологических единиц различных семантико-грамматических классов в письмах разных авторов, особенности авторского выбора фразеологизмов, характер их трансформации, функционирование устаревшей фразеологии определяется не только чертами языковой личности создателя письма, но и дискурсивной природой самого эпистолярия.
5. Фразеологическая концептосфера дружеского эпистолярия содержит традиционные для русского сознания концепты. Наиболее емким и часто репрезентируемым выступает концепт «человек».
6. Необходимость лексикографической фиксации обусловила создание концепции фразеологического словаря, отражающего системные и дискурсивные свойства фразеологизмов, функционирующих в дружеском эпистолярном дискурсе пушкинского периода.

Структура диссертации

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения; перечня источников, письмовников, словарей, литературы, использованных в работе, и двух приложений (Перечень фразеологических концептов дружеского эпистолярного дискурса пушкинского периода, Словарь фразеологизмов дружеских писем первой трети XIX века).

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновываются выбор темы, ее актуальность и научная новизна, определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, устанавливаются исходные теоретические позиции, формулируются положения, выносимые на защиту, методы исследования, выводятся теоретическая значимость и практическая ценность работы.

В первой главе «Природа эпистолярного текста. Систематизация эпистолярия» представлены основные направления в изучении эпистолярия: анализируется жанрово-стилевая природа эпистолярных текстов, эпистолярный рассматривается как речевой жанр и как дискурс, выявляются дискурсивные особенности писем первой трети XIX века, поднимаются проблемы их классификации. В процессе исследования аргументируется точка зрения, согласно которой дискурсивный подход в исследовании писем оказывается наиболее продуктивным, поскольку именно он позволяет изучать дружеский эпистолярный не как статичный текст, а как форму межличностного взаимодействия, максимально приближенную к разговорной речи. Выявленные дискурсивные свойства характерны для всего массива дружеских писем.

Проведенный анализ литературы по проблемам определения статуса эпистолярия показал, что среди исследователей нет единства мнений в вопросе стилевой, жанровой и дискурсивной дифференциации писем. Эпистолярный трактуется как: 1) функциональный стиль, 2) жанр, 3) синтез различных жанров и стилей, 4) форма содружества литературы с жизнью 5) речевой жанр, 6) дискурс.

Наиболее продуктивным в плане выделения общих универсальных свойств дружеского эпистолярия, проявляющихся на всех уровнях организации писем, выступает дискурсивный подход.

При определении эпистолярия как дискурса важным является тот факт, что дискурс создается в процессе взаимодействия коммуникантов и отражает на языковом уровне контакт и межличностные отношения между автором и адресатом. На первое место выходит не действительность, а человек как автор событий, которые значатся в тексте письма. В нашем представлении дружеский эпистолярный дискурс – это речевое произведение, созданное и функционирующее с учетом определенной национально-временной эпистолярной традиции, имеющее письменную форму и реализующееся во всем многообразии его когнитивно - коммуникативных функций.

Дискурсивная природа дружеского эпистолярия проявляется через совокупность его дискурсивных свойств:

1). **Антропоцентричность**, реализующаяся в эпистолярном дискурсе посредством диалогичности, «двуначалия» (термин Н.В. Сапожниковой), которое, в свою очередь, может проявляться через недосказанность в письмах, через специфику использования окказиональной фразеологии и т.п.

Письмо представляет собой текст, имеющий конкретного создателя, особенности личности которого не могут не наложить отпечаток на структуру письма, его содержание и характер изложения информации. Эпистолярное общение не сопровождается визуальным контактом с адресатом, оно

дистанцировано во времени и в пространстве. А значит, коммуниканты, организующие переписку, должны проявиться в тексте с наибольшей полнотой, чтобы степень их воздействия друг на друга и характер взаимодействия оказались достаточными и убедительными для поддержания продуктивного общения. В такой ситуации адресант и адресат выступают как единое целое, поскольку структура, содержание и характер изложения информации обусловлены ими обоими одновременно. Учет особенностей личности адресата проявляется чрезвычайно ярко в письмах Н.М. Языкова. Большинство из них адресовано его братьям – П.М. и А.Н. Языковым. Однако легко увидеть, что стиль, манера писем различны. Приведем пример двух эпистолярных текстов, содержание которых совпадает:

«Благодарю тебя за деньги: это такой предмет жизни человеческой вообще – и жизни человека, жить не умеющего, в особенности, - что присылание их всегда должно быть ответственно благодарностию искреннею. (...) 18 числа сего месяца совершилось бракосочетание Пушкина. Говорят, что его супруга совершенство красоты. Когда увижу ее, опишу ее тебе с ног до головы: думаю, что и то и другое дела важные в быту супружеском. (...) У меня есть большая просьба до тебя и брата Александра, к которому пишу в Уфу; вот в чем дело: Иван Чухломской, по общему свойству сердец человеческих, влюбился здесь в девственницу – дочь отца, не состоящего в рабстве, - требуется, чтоб и он не принадлежал господам; ты уже догадываешься, что я ему обещал по сей части, в чем состоит моя просьба. Как сделать это, во всех смыслах, доброе дело? Да благословит бог сердца любящих! Это можно сказать и со стороны, даже нашему брату, покуда не имевшему случая чувствовать такое благословление (...).» (Н.М. Языков П.М. Языкову, 25 февраля 1831 г.).

«Благодарю за деньги. (...) Пушкин женился благополучно. Опишу тебе жену его в свое время. (...) Еще: Иван Чухломской влюбился в девственницу – дочь отпущенного на волю, для соединения их любящих сердец нужно и его освободить из-под господства; я с большим удовольствием обещал ему это благо и надеюсь, что вы, мои почтеннейшие, не заставите меня раскаиваться в обещании, сделанном мною вовсе искренне. Как же это совершить? Я писал к Петру тоже» (Н.М. Языков А.М. Языкову, 25 февраля 1831 г.).

Первый отрывок более эмоционален, описываемые события сопровождаются размышлениями. Второй – гораздо суше, информативнее и сдержаннее. Такой несовпадающий характер изложения обусловлен одновременно и коммуникативными установками автора, и его знанием личностных особенностей адресата.

2). **Креативность** - свойство дружеского эпистолярного допускать использование и гармоничное соединение продуктов речетворческой деятельности разных языковых личностей (при этом речетворческая деятельность основывается на отклонении от речевых стереотипов определенного типа дискурса, а ее продукты, проявляясь на уровне формы и содержания, постепенно становятся традиционными в данном национально-временном дискурсивном пространстве).

Личности создателей переписки как дискурсообразующий фактор определяют специфику креативности эпистолярия. Уровень креативности каждого из них разный, но креативность как свойство письма – признак постоянный (в том смысле, что он присущ эпистолярию вне зависимости от того, кем создан эпистолярный текст). Новые традиции формируются исключительно в дискурсе как универсальной форме общения. Формой проявления креативности является языковая игра (в широком и узком пониманиях).

Языковая игра - это фундаментальное свойство человеческой культуры. В широком смысле понимания этого феномена (языковая игра как моделирование языковой действительности) эпистолярный дискурс представляет собой «игру» в обычный бытовой диалог, моделирование устной речи. Поэтому часто текст письма строится по принципу «вопросно-ответный шаг». Автор сам задает себе вопросы и сам на них отвечает: *«(...) мне без тебя скучно – что ты делаешь? в службе ли ты? пора, ей-богу пора (...)»* (А.М. Пушкин Л.С. Пушкину и О.С. Пушкиной, 21 июля 1822 г.). *«Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты. Чего тебе не достает? Маленького снисхождения к слабым»* (А.А. Дельвиг А.С. Пушкину, 28 сентября 1824 г.). Такой прием добавляет письму динамизма, создает иллюзию диалогического общения. И тогда эпистолярный текст перестает быть просто средством передачи информации, но служит средством взаимодействия.

Авторы «играют» в разговор, используя и другие возможности жанра. Так, например, иногда может показаться, что события, которые описываются в тексте письма, изложены несвязно, непоследовательно, как это свойственно спонтанной эмоционально устной речи:

«(...) Скажи, много ли у тебя подписчиков. Напечатай в московских газетах, какие и какие статьи помещены в 1-м № Европейца. Это будет тебе очень полезно.

Я и все мои усердно поздравляем тебя и твоих с праздниками и новым годом. Дай бог, чтоб будущий нашел нас вместе.

Мы переехали из деревни в город: я замучен скучными визитами. (...)» (Е.А. Боратынский И.В. Киреевскому, конец декабря 1831 г.).

Если подобные примеры подкреплены наличием черновиков, позволяющих выявить стремление автора текста подчеркнуть «неподготовленность» эпистолярного общения, то спонтанность изложения можно рассматривать как форму языковой игры. Спонтанность проявляется через политематичность (эпистолярный дружеский дискурс - форма дружеской беседы, а тематика беседы безгранична), через использование специальных синтаксических конструкций (инверсии, пропуска сказуемого, эллиптированных предложений), через конвенциональность (регулярное, сознательное, функционально значимое нарушение этикетной рамки письма, опирающееся на учет сформированных речевых стереотипов дружеского эпистолярия в процессе его создания).

Языковая игра в более узком понимании, как имеющая установку на комический эффект, проявляется в пародировании формы, этикетной рамки письма в начале XIX столетия (пародировались рекомендации Письмовников по соблюдению этикетной рамки – приветствия, обращения, пожелания благополучия, прощание; простота и лаконичность изложения, безэмоциональность и т.д.). Приведем в пример письмо А.А. Дельвига Е.А. Боратынскому (от 18 марта 1828 г.):

«Брату Евгению здоровья и спасения и поэтического вдохновения желает пустынный брат Антон. § 1-й. Поздравляю тебя и милую жену твою с наступающим праздником воскресения Христова. 2-й. Уведомляю тебя, что в городе Харькове грязь классическая с наблюдением трех единств, из коих самое нестерпимое называется скукой. 3-й. Пишешь ты ко мне редко, и ничего не говоришь о портрете твоём: готов ли он? Если готов, то похож ли? Если похож, то держи его до моего приезда. § 4. Я начинаю говеть. Прошу у вас прощения. § 5-й. Письмо мое с виду покажется постороннему человеку очень порядочным, но ты знаешь меня, и параграфы мои тебя не обманут. § 6-й. Как начал, так и кончу, соблюдая принятую мною форму. § 7-й. Кланяйся от меня Николаю Алексеевичу Полевому и брату его. § 8. Пишу сие 18 марта 1828 года в губернском городе Харькове. § 9. Желая и прошу бога помочь мне вырваться отсюда и поскорее обнять вас, милые друзья мои. § 10. До свидания. Обнимаю и целую тебя. Твой

Дельвиг».

Возможность возникновения комического эффекта в подобных контекстах связана с тем, что авторы прекрасно владели эпистолярными нормами Письмовников. Разрушая эпистолярные традиции прошлого в процессе языковой игры, они создавали новые, ставшие основой для функционирования эпистолярного дискурса на протяжении более чем 200 лет.

3). **Полифункциональность.** В текстах писем реализуются две базовые функции (коммуникативная и когнитивная) и три вторичные: репрезентативная, или информативная (функция обозначения внеязыковой действительности), фатическая (контактоустанавливающая) и прагматическая (функция эмоционального и интеллектуального воздействия на адресата). Под коммуникативной функцией мы понимаем назначение элемента речи служить средством общения. Когнитивная функция, представляющая в эпистолярной форме авторского самовыражения, не менее важна при создании и функционировании дружеского эпистолярного дискурса, чем коммуникативная. Обе первичные функции тесно переплетены, вторичные могут реализовать одновременно и коммуникативную функцию и функцию самовыражения.

Письма первой половины XIX века являются ярким примером реализации одновременно нескольких функций:

«Мне скучно, милый Асмодей, я болен, писать хочется – да сам не свой. Мне до тебя дело есть: Гнедич хочет купить у меня второе издание "Руслана" и "Кавказского пленника" – но timeo danaos, т.е. боюсь, чтоб он со мной не поступил, как прежде. Я обещал ему предисловие, но от прозы меня тошнит.

Перепишишь с ним – возьми на себя второе издание и освяти его своею прозой, единственною в нашем прозаическом отечестве. <...>

Прощай, моя прелесть, - вперед буду писать тебе толковее.<...>» (А.С. Пушкин П.А.Вяземскому, 19 августа 1823 г.).

В приведенном эпистолярном тексте реализуются следующие функции: фатическая, проявляющаяся в употреблении обращений («милый Асмодей», «моя прелесть»); информативная (в тексте сообщается о намерении переиздать поэмы, о болезни автора, о его отношении к прозе и т.д.); прагматическая, реализующаяся посредством глаголов в форме повелительного наклонения («перепишишь», «освяти»), лексики и фразеологии, передающей эмоциональное состояние автора («сам не свой», «боюсь» и т.д.). Все функции, с одной стороны, реализуют коммуникативную функцию, с другой – являются средствами авторского самовыражения, отражения собственного отношения к описываемому, к адресату.

4). **Диссимметрия** - разрушение сложившихся ранее эпистолярных традиций, повлекшее за собой вариативность формы и содержания дискурса и воспринимающееся как функционально значимая аномалия в период формирования новых эпистолярных форм (диссимметрия как свойство дискурса будет проявляться каждый раз при смене традиции речевого жанра). Показателями диссимметрии эпистолярия могут являться: 1) полифункциональность (поскольку письма XVIII столетия выполняли, часто, только одну функцию, т.к. были преимущественно монотемными); 2) политематичность (именно потому, что письма предыдущей языковой эпохи были монотемными); 3) языковая игра во всех ее проявлениях как результат переосмысления уходящих эпистолярных традиций.

Определяющим фактором при формировании и проявлении диссимметрии эпистолярного дискурса становится сама природа эпистолярия. Диссимметрия дружеского эпистолярного дискурса может быть определена как создание дискурсивной реальности эпистолярия одновременно автором и адресатом, при непосредственной речевой деятельности первого и опосредованном участии второго. В качестве посредника выступает субъективное представление автора эпистолярия о возможностях восприятия передаваемой информации адресатом.

«Тотальная» диссимметрия дружеского письма не разрушила его как речевой жанр. Это обусловлено определенными внутренними свойствами диссимметрии, поскольку формирование инварианта, становящегося традицией, связано с изменениями, в которых обнаруживается особый, неизвестный ранее тип симметрии, в нашем случае - новая эпистолярная форма.

Выявленные дискурсивные свойства реализуются на всех уровнях организации писем.

Несмотря на наличие общих дискурсивных свойств, объединяющих весь массив дружеских писем первой трети XIX века, исследователи продолжают активно разрабатывать классификации дружеского эпистолярия.

Основанием для ряда существующих в научной литературе типологий эпистолярного наследия пушкинского периода служат литературное общество, в рамках которого создавался тип письма (Н.А. Степанов), адресат (Н.А.

Степанов, О.В. Никитина), степень соответствия какому-либо литературному жанру (Е.Е. Дмитриева), ведущая тема письма (О.В. Никитина), стиль (Н.А. Степанов), инициальность (Н.И. Белунова), характер личных коммуникативных отношений (Н.И. Белунова), социальная функция (В.И. Гвазава), способ установления, поддержания и прекращения контакта (Н.А. Ковалева), связи и отношения между авторами переписки (Н.В. Сапожникова).

Наиболее продуктивным для выявления дискурсивных свойств писем может рассматриваться анализ эпистолярного наследия «Арзамаса», члены которого создали новый литературный жанр – дружеское письмо, со своими особенными жанровыми признаками: раскованность, нарочитое шутовство, жизнеутверждающие позиции, ввод «устной речи», семантика домашних намеков, пародийное использование «архаистических» книжных традиций, мозаичность конструкции, чередование прозы и стихов, игра словом, домашность материала и его автобиографизм, пренебрежение формулами вежливости, обращения и заключения; использование дружеских прозвищ, словечек и вульгарно-малоцензурной лексики, неологизмов; конкретность в изложении, учет интересов адресата, сознательная литературная установка и самоирония и др.

Но рассматривать арзамасскую переписку как «подлинное» дружеское письмо можно с определенными условностями. Это экспериментальное «поле» для обработки новых эпистолярных канонов. Мы предлагаем считать арзамасское письмо не столько типом дружеских писем, сколько этапом в развитии эпистолярных традиций.

При классификаций эпистолярия авторы используют либо абсолютно формальный критерий для разграничения текстов писем, либо разграничение это вообще становится проблематичным, поскольку структура, характер содержания и способ передачи информации в письме определяются не одним фактором, который кладется в основу дифференциации писем, а несколькими: степенью знакомства автора и адресата, целью автора, коммуникативными установками обеих сторон и т.д. Поэтому универсальной типологии, скорее всего, быть не может. Продуктивнее рассматривать особенности частного эпистолярного дискурса в целом и отличительные особенности текстов писем каждого из авторов в отдельности. Именно в этом аспекте выявление общих дискурсивных свойств дружеского эпистолярия становится наиболее продуктивным.

Во второй главе «Фразеология дружеского эпистолярия пушкинского периода как часть фразеосистемы русского языка первой трети XIX века» поднимаются проблемы определения сущности фразеологизма и его основных признаков, исследуется семантическая организация фразеологических единиц частной переписки, особенности структурного варьирования ФЕ как проявление их формального развития, выявляются и описываются фразеологизмы дружеских писем первой трети XIX века, вышедшие из употребления в современном русском языке.

Сформулированные в первой главе диссертации дискурсивные свойства писем реализуются на всех уровнях организации текста. И фразеология не

является в этом аспекте исключением. «Дискурсивность» фразеологизмов, функционирующих в эпистолярной, проявляется в тесном взаимодействии с их структурно-семантическими особенностями. Систематизация ФЕ по семантико-грамматическим классам, изучение фразеологических вариантов и выявление фразеологизмов, ушедших из употребления в XIX столетии делают возможным и продуктивным исследование дискурсивных свойств дружеских писем, позволяя использовать полученные результаты в качестве аргументов, свидетельствующих о проявлениях антропоцентричности, креативности, полифункциональности и диссимметрии эпистолярной средствами фразеологии. Структурно-семантический анализ фразеологических единиц является первым необходимым этапом, предшествующим, сопровождающим и во многом определяющим исследование дискурсивных свойств фразеологии.

В нашем исследовании основными критериями выделения фразеологизма являются: наличие целостного фразеологического значения, раздельнооформленность и соотносимость ФЕ со словом определенной части речи. Это узкое понимание фразеологии, при котором в состав фразеологизмов включаются единицы, квалифицирующиеся по теории В.В. Виноградова как единства и сращения.

Анализ фразеологического материала показывает, что все фразеологизмы семантически, формально и функционально соотносятся с традиционно выделенными в русской грамматике частями речи. Соответственно в работе с целью систематизации материала принята классификация фразеологизмов по типам категориальных значений. В текстах дружеских писем выделяются следующие классы фразеологизмов:

1). **Качественно-обстоятельственные ФЕ** (296 ФЕ в 1983 употреблениях). Фразеологизмы качественного - обстоятельного класса делятся на два больших разряда, внутри которых выделяются различные семантические группы:

I. ФЕ со значением качества (183 ФЕ): 1) со значением способа и образа действия: *без обиняков, без оглядки, вкривь и вкось* и др.; 2) со значением качества и характера действия: *в двух словах, по совести, (от) головы до ног* и др.; 3) сравнительно – уподобительные: *как воздух, как во сне, как на крыльях* и др.; 4) со значением меры и степени: *более или менее (больше или меньше), большей частью (-ию) (по большей части), во сто крат* и др.; 5) совмещающие значения образа действия и степени: *в (на) клочки, во всю мочь, до низложения риз* и др.; 6) со значением одиночного и совместного действия, последовательности действия: *один за другим, с рядом* и др.

II. ФЕ со значением обстоятельства действия: семантическая группа со значением времени действия, их особенность по сравнению с наречиями времени в том, что они а) обозначают не столько отрезок времени, сколько событие, связываемое с ним: *во веки веков, до сих пор, целыми днями* и др.; б) обозначают временную неопределенность: *в кои-то веки, во время оно, рано или поздно, с годами* и др.; со значением места (характеризуется неопределенностью значения, обозначая место вообще; очень часто в этом

значении заключена оценка, владение): *под боком, под глазами, под небесами* и др.; со значением цели: *в рост, для души* и др.

2). **Процессуальные ФЕ** (277 ФЕ в 559 употреблениях). По особенностям значения и грамматическим признакам процессуальные ФЕ делятся на два больших разряда, внутри которых выделяются отдельные семантические группы:

I. Процессуальные ФЕ, обозначающие такие действия, которые не направлены на предмет (166 ФЕ). Внутри них выделяются следующие семантические группы: 1) со значением говорения (речи): *подавать / подать голос (-а), в язычки постучать* и др.; 2) со значением деятельности человека или ее характеристики: *бить баклуши, бросаться / броситься в шашки, садиться / сесть не в свои (в чужие) сани* и др.; 3) со значением психологического состояния, эмоционального отношения: *вешать / повесить нос, всходить / взойти в себя, сердце болит* и др.; 4) со значением интеллектуального состояния, мысли: *ломать / сломать голову (над чем), собираться / собраться с мыслями* и др.; 5) со значением социального статуса: *жить своим домом, идти / пойти в гору, становиться / стать на хлебы* и др.; 6) со значением физиологического состояния: *почивать / почить в бозе, приказать долго жить, сходить / сойти с часов* и др.; 8) со значением пребывания где-либо, существования: *бросать / бросить якорь, зарываться / зарыться как мышь в крупе* и др.; 9) со значением положения, движения в пространстве: *сниматься / сняться с якоря, трогаться / тронуться с места* и др.; 10) со значением умения, способности: *не зарывать / зарыть талант в землю, расправлять / расправить крылья* и др.;

II. Процессуальные фразеологизмы, обозначающие такие действия, которые направлены на предмет (111 ФЕ). Внутри этого разряда выделяются следующие семантические группы: 1) со значением интеллектуального воздействия: *приходить / прийти в голову (кому), приходить / прийти на мысль (кому)* и др.; 2) со значением психологического воздействия: *портить / испортить крови (кому), трогать / тронуть сердце (кого, чье)* и др.; 3) выражающие самые разные отношения между кем-чем-либо: *вытаскивать / вытащить на хорошую дорогу (кого), носить на руках (кого)* и др.; 4) со значением обладания: *брать / забрать (взять) в руки (кого, что), прибирать / прибрать к рукам (кого, что)*; 4) со значением речи: *замолвить словечко (за кого, о ком), предавать / предать гласности (что)* и др.

3). **Грамматические ФЕ** (159 ФЕ в 1231 употреблении). Класс грамматических фразеологизмов, включает в себя: 1) фразеологические предлоги, характеризующиеся категориальным значением отношения предмета к предмету, явлению, ситуации (72 ФЕ): *в дополнение к (чему), в качестве (кого, чего), с помощью (кого, чего), судя по (кому, чему)* и др.; 2) фразеологические союзы с семантикой и функцией средства связи слов, целых предложений (33 ФЕ): *больше ... чем, будто бы, в то время когда, так как* и др.; 3) фразеологические частицы с семантической и синтаксической ролью выражения отношения говорящего к высказываемому с особым выделением или

уточнением какого-либо момента или стороны в этом высказывании (54 ФЕ): *а ведь, более чем, равно как, тем более, то ли дело, что за* и др.

4). **Призначные ФЕ** (131 ФЕ в 402 употреблениях). Фразеологизмы этого класса обозначают статичный признак предмета или лица. Внутри данного класса выделяются две большие субкатегории:

I. ФЕ, обозначающие признак субъекта, грамматического или логического (101 ФЕ). Внутри данной субкатегории, в свою очередь, выделяются две группы ФЕ: 1) характеризующие одушевленный (живой) субъект (40 ФЕ): а) обозначающие душевное состояние человека: *не в духе, сердце не на месте* и др.; б) обозначающие умственные способности человека: *дурак дураком, не в полном уме* и др.; в) обозначающие особенности характера и поведения человека: *легок (легка, легки) на подъем, не в силах (силе)* и др.; г) со значением социальных качеств и положения людей: *в накладе, гол как бубен* и др.; д) физическое состояние человека: *во цвете лет, на сносях* и др.; 2) характеризующие неодушевленный (неживой) субъект: *в пальцах, никуда не годится* и др.; 3) характеризующие и неодушевленный (неживой) субъект и человека: *в порядке, как игрушка (игрушечка)* и др.;

II. ФЕ, обозначающие недействительный, статический признак: *не по мне, с плеч (рук) долой, шутки в сторону* и др.

5). **Модальные ФЕ** (110 ФЕ в 1482 употреблениях). Класс модальных фразеологизмов, содержит разнообразные указания на отношение говорящего к информации:

I. ФЕ со значением эмоционального отношения (25 ФЕ): 1) ФЕ, передающие положительную эмоциональную оценку действий, событий, состояний; положительное отношение говорящего к сообщаемому: *к счастью, слава провидению, знай наших* и др.; 2) ФЕ, передающие отрицательную эмоциональную оценку действий, событий, состояний, отрицательное отношение говорящего к сообщаемому: *ниши пропало, не приведи боже, через мой труп* и др.;

II. ФЕ, передающие отношение говорящего к высказанной мысли (ФЕ со значением рационального отношения) (65 ФЕ): 1) отношение уверенности / неуверенности говорящего в том, что он сообщает: *без (всякого) сомнения, бог весть* и др.; 2) согласие или несогласие: *бог (Христос) с тобой (с ней, с ним, с вами, с ними), воля твоя* и др.; 3) указывающие на источник сообщаемого: *как говорят, на глаза (кого, чьи)* и др.; 4) ФЕ, указывающие на отношения между частями высказывания, на связь мыслей, последовательность изложения: *в итоге, таким образом* и др.; 5) выражение ограничительного значения: *да и только, и все тут*; 6) ФЕ со значением оценки сообщаемого факта с точки зрения общих категорий долга, совести и т.д.: *по правде, по совести сказать* и др.; 7) ФЕ, оценивающие манеру устной речи, стиль, способ выражения: *короче сказать, лучше сказать* и др.; 8) ФЕ, указывающие на обычность сообщаемого: *в сущности, как водится* и др.;

III. Модальные фразеологизмы – этикетные фразы (20 ФЕ): 1) пожелание: *бог помочь, в добрый час* и др.; 2) прощание: *будь(-те) здоров (-ы), до свидания* и др.; 3) просьба: *ради (господа) бога, ради Христа (Христа ради)* и др.; 4)

извинение: *прости господи*; 6) благодарности: *премного благодарен*; 7) приглашение: *милости просим*.

Модальные фразеологизмы являются средством выражения авторского «Я», средством реализации языковой личности автора через оценку окружающей действительности. Письма насыщены модальными ФЕ как с отрицательной, так и с положительной оценкой. Модальная фразеология служит также для выражения активной авторской позиции, отношения автора к предмету речи (отношения согласия, просьбы, пожелания, предположения и др.). Употребление именно модальных ФЕ во многом формирует антропоцентричность эпистолярного дискурса. Отметим, что этикетная модальная фразеология представлена далеко не всеми семантическими группами, которые функционируют в современном русском языке. Практически отсутствуют ФЕ со значением приветствия, благодарности, знакомства, совета, сочувствия, одобрения и др. Казалось бы, письмо представляет собой достаточно канонизированный текст, однако речевые этикетные формулы чаще заменяются на более «живые», яркие единицы речи (в том числе, модальные фразеологизмы, описательные обороты и т.д.).

6). **Предметные ФЕ** (45 ФЕ в 105 употреблениях). Класс предметных фразеологизмов включает в себя ФЕ, которые распределяются по следующим субкатегориям: 1) ФЕ со значением лица: *добрый малый, сахар медович* и др.; 2) ФЕ со значением пространства: *белый свет, теплое место* и др.; 3) ФЕ со значением совокупности предметов: *всякая всячина, разные разности*; 4) со значением отсутствия лиц: *ни души*; 5) ФЕ со значением отрезка времени: *черный день*; 6) ФЕ со значением отвлеченного понятия: *бог знает что, бразды правления, дух времени* и др.

7) **Количественные фразеологизмы** (8 ФЕ в 28 употреблениях): 1) ФЕ, обозначающие отсутствие количества: *ни гроша (копейки, полушки), ни капли* и др.; 2) ФЕ, обозначающие неопределенно большое количество: *без счету, с три короба* и др. В текстах писем не отмечено употребление количественных фразеологизмов со значением «неопределенно малое количество».

Наибольшей частотой употребления характеризуются качественно-обстоятельственная (1983 употреблений) и модальная фразеология (1482 употребления). Преобладание фразеологизмов со значением качества действия может быть обусловлено желанием автора активно реализовать прагматический потенциал эпистолярного текста, выразить свое отношение к происходящему, сделать повествование более эмоциональным и экспрессивным, наполнить его дополнительными коннотативными смыслами. Частотное употребление фразеологии данного семантико-грамматического класса формирует оценочность и эмоциональность эпистолярия. Модальные фразеологизмы являются средством выражения авторского «Я» через оценку окружающей действительности. Употребление именно модальной фразеологии во многом формирует антропоцентричность эпистолярного дискурса.

Частота употребления фразеологизмов разных семантико-грамматических классов не является показателем особенностей авторского эпистолярного стиля, не определяет его специфику и является характерной для фразеосистемы

русского языка в целом. Каждый семантико-грамматический класс представлен различными субкатегориями ФЕ, частота употребления которых может выступать показателем, демонстрирующим особенности авторского стиля частного письма.

Абсолютное большинство фразеологизмов, функционирующих в письмах пушкинского периода, являются однозначными. Эту особенность, свойственную фразеосистеме начала XIX века, отмечают многие исследователи (А.М. Бабкин, А.И. Федоров). Фразеологизмов, реализующих в текстах писем несколько значений, всего 23 (2,3 % от общего числа выявленных ФЕ, практически все они имеют два значения).

Фразеологизмы, функционирующие в дружеских письмах, активно варьируют свою структуру. Вслед за А.М. Чепасовой, под структурной вариантностью фразеологизмов мы понимаем внешние, формальные изменения фразеологической единицы при сохранении ее тождества³. Пределом структурного варьирования является семантическое тождество. Общеизвестным во фразеологии является выделение следующих типов варьирования: фонетический, словообразовательный, морфологический, количественный, компонентный, синтаксический. Дополнительно выделяют орфографический и пунктуационный типы варьирования.

В бо́льшем массиве описываемого материала ФЕ имеют постоянную форму (88,4 %); остальные варьируют свою структуру.

Среди различных типов варьирования самыми частотными являются:

- 1). **Компонентный тип** (30 ФЕ): *гореть желанием (нетерпением), как нельзя лучше (больше), к (по) несчастью, с давних пор (лет), собираться / собраться (скрепляться / скрепиться) с духом* и др.
- 2). **Морфологический тип** (16 ФЕ). Морфологическое варьирование связано с изменением форм рода, числа, падежа, сравнительной степени компонентов: *выносить / вынести сор (-у) из избы, идти / пойти своей (-ею) дорогой (-ю), с первого взгляда (-у), чужие края (краи)* и др.
- 3). **Словообразовательный тип** варьирования (видоизменение компонентов в результате замены морфем) встречается в 13 ФЕ: *как игрушка (как игрушечка), как стеклышко (как стекло), приходить / прийти (всходить / взойти) в голову (кому)* и др.
- 4). **Количественный тип** (9 ФЕ). Под варьированием количественного состава мы понимаем сокращение числа компонентов фразеологизма, не изменяющее его значение: *без (всякого) сомнения, в поте лица (своего), (и) так и сяк, от (всей) души* и др.
- 5). **Фонетическое варьирование** фразеологизмов отмечено у пяти ФЕ: *к тому же (к тому ж), к счастью (счастию), вот уже (уж), в (во) сто раз, в (во) чужом пиру похмелье*. Под фонетическим варьированием мы понимаем видоизменение звуковой оболочки без утраты семантического тождества. Инвариантом и в языке XX столетия, и в языке пушкинского периода

³Цит. по: Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во Челяб.гос.пед.ун-та, 2006. – С. 93.

выступают фразеологизмы: к тому же и к счастью, вот уже, в сто раз, в чужом пиру похмелье.

6). Под **синтаксическим варьированием** мы понимаем изменение в расположении компонентов фразеологизма, не приводящее к изменению значения. Синтаксический тип варьирования отмечен во фразеологических единицах: *ради Христа (Христа ради), делать нечего (ничего делать), сказать в скобках (в скобках сказать)*.

7) **Смешанный тип варьирования** отмечен у 11 ФЕ: *боже упаси (избави) (избави боже); в полном (всем) смысле (слова); до поры(,) до времени (до времени и др.*

Наряду с языковыми, в письмах первой трети XIX века функционируют орфографические и пунктуационные варианты ФЕ:

1) **Орфографический тип** (29 ФЕ): *крепко на крепко, на двое, на повал, точь в точь, в добавок к (кому, чему), на ряду с (кем, чем), не взирая на (кого, что), несмотря на (кого, что), в следствие (чего), ей богу, к стати или не к стати (кстати), к стати о (ком, чем), с верху до низу, за то, ни чуть не и др.* Практически все орфографические варианты фразеологизмов писем пушкинского периода в современном русском языке вышли из употребления. Все они функционировали в языке дружеских писем параллельно с современными формами фразеологизмов или слов. Данный факт демонстрирует наличие глубоких изменений во фразеологической системе первой трети XIX века, приводящих к переходу ФЕ в разряд самостоятельных слов.

2). **Пунктуационный тип** отмечен в трех ФЕ: *ни дна(,) ни покрывки (кому), ни к селу(,) ни к городу; с тех пор(,) как.*

Изучение особенностей функционирования фразеологических вариантов разных типов в эпистолярном наследии каждого из авторов дружеских писем позволяет обратиться в дальнейшем к выявлению специфики диссимметрии эпистолярия средствами фразеологии.

В дружеских письмах отмечена фразеология, вышедшая из употребления в современном русском языке и не отражающаяся в современных лексикографических источниках (50 ФЕ, 4,8 %): *больше или меньше, в поте лица своего, всходить / взойти в себя, гол как бубен, давать / дать на волю (кого, что), для того что, жив Чурилка, мертво пьян, от искреннего сердца, ставить / поставить на своем, три короба, чужие края и др.*

С одной стороны, наличие таких фразеологических единиц - показатель динамичности фразеосистемы, с другой – свидетельство того, что фразеология первой половины XIX имела свои особенности употребления, не отраженные словарями современного русского языка. Часть приведенных выше ФЕ с течением времени пережила преобразование формы (сращение двух компонентов) и превратилась в самостоятельные слова, активно используемые в русском языке до сих пор.

В основном употребление конкретных, ушедших из употребления ФЕ закреплено за эпистолярным наследием одного адресанта. Такое функционирование фразеологии позволяет в дальнейшем оценить характер ее использования, исходя из теории концепта, языковой личности и диссимметрии.

В третьей главе «Фразеосистема эпистолярного текста в дискурсивном аспекте» фразеология эпистолярного дискурса первой трети XIX века рассматривается как средство отражения его дискурсивных свойств: анализируются концептосфера эпистолярной фразеологии как отражение антропоцентричности эпистолярного дискурса и авторские модификации фразеологизмов как форма проявления креативности эпистолярия, выявляются функции фразеологических единиц, поднимаются вопросы проявления диссимметрии фразеосферы дружеского эпистолярия.

Антропоцентричность писем выявляется в процессе анализа концептуальной организации эпистолярной фразеосферы. Концептосфера эпистолярного дискурса - это совокупность концептов, реализующуюся в рамках дружеского письма пушкинского периода. Концептуальное пространство фразеологии – это та часть концептуальной системы, которая предстает в виде фразеологически репрезентируемых концептов.

Концептосфера эпистолярного дискурса представлена через иерархическую структуру концептов и микроконцептов: 1) концепты и субконцепты (самые частотные и широко вербализуемые концепты в дружеских письмах); 2) микроконцепты первого уровня, объединяющиеся на основе общего тематического признака; 3) микроконцепты второго уровня, объединяющиеся на основе интегральных сем в структуре фразеологического значения.

Среди 1026 ФЕ, реализующих 18 концептов («быт, бытовые представления», «бытие», «величина», «власть», «время», «действие», «деньги-бизнес», «истина», «мир», «обман», «пространство», «свобода, воля», «смерть», «совесть, мораль», «табель о рангах», «тайна», «человек», «число, счет»), наиболее частотными являются фразеологические единицы, репрезентирующие субконцепт «человек».

Богатство представлений о человеке (его внутреннем мире, социальных характеристиках и деятельности), репрезентуемых посредством 435 фразеологизмов (42,4 % от общего числа употребленных ФЕ в дружеском эпистолярии), действительно превращает его в центр эпистолярного общения. Именно эта особенность наиболее ярко иллюстрирует антропоцентричность дружеского эпистолярного дискурса.

Анализ самого емкого концепта - «человек» - связан с выявлением нескольких уровней семантики, образующих ассоциативные контуры вокруг ядра концепта. Анализ толкований фразеологизмов показывает, что отражённый в эпистолярии концепт «человек», включает несколько компонентов (микроконцептов первого уровня): «внутренние характеристики человека» (80 ФЕ), «речевая деятельность» (75 ФЕ), «отношения между людьми» (65 ФЕ), «интеллектуальная жизнь человека» (58 ФЕ), «чувства и эмоции человека» (57 ФЕ), «деятельность человека» (35 ФЕ), «социальные характеристики человека» (30 ФЕ), «состояние человека» (25 ФЕ), «внешние характеристики человека» (7 ФЕ), «свой - чужой» (3 ФЕ). Чаще всего фразеологизмы репрезентуют микроконцепты «внутренние характеристики человека», «речевая деятельность» и «отношения между людьми».

Внутренние характеристики человека достаточно разнообразны. Их можно раздробить на более мелкие образования на основе общих сем в структуре фразеологического значения: внутренняя сила – не упасть / упасть духом; застенчивость – красная девица; наивность – по простоте (душевной); настойчивость, упорство – не слагать / сложить оружие; стоять / стать (ставить / поставить) на своем; несдержанность – терять / потерять терпение; осторожность – держать язык на привязи и др. Некоторые фразеологизмы имеют в структуре значения семы отрицательной (невнимание, растерянность, несдержанность и т.п.) или положительной оценки (искренность, настойчивость, решимость, самообладание, честность и т.п.).

Поскольку письмо – форма речевого общения, в нем активно реализуется микроконцепт «речевая деятельность», реализующийся фразеологизмами, объединяющимися на основе общих сем в структуре фразеологического значения: болтовня – стучать языком; переливать из пустого в порожнее (в первом значении); крик – драть горло; невозможность говорить – не уметь (не мочь) связать двух слов; речь – на словах; на языке; в слух; срываться / сорваться с языка; предавать / предать гласности; живое слово; лучше сказать и др. Микроконцепт «речевая деятельность» многокомпонентен. В нем отражаются различные формы речевого общения, передается их интенсивность, целенаправленность, дается оценка, содержатся примеры этикетных формул извинения, благодарности, приветствия, прощания.

Третий по частоте репрезентации микроконцепт - «отношения между людьми» - представляет человека как неотъемлемый элемент социума. Микроконцепт условно можно разделить на более мелкие единства на основе общих интегральных сем в структуре фразеологического значения: владение – прибирать / прибрать к рукам (кого); брать / забрать (взять) в руки (кого, что); в лапах; влияние – брать / взять свое; воспитание – хорошего тона (кто-либо); всасывать / всосать с молоком (матери); подчинение – плясать / заплясать по (чьей) дудке; против воли; доверие – принимать / принять за чистые деньги; дружба – стоять / стать на короткую ногу; предосудительное участие – рыльце в пушку (у кого); марать руки (кому); соревновательность – перебивать / перебить случай (у кого) и др.

Таким образом, человек заявлен в дружеском эпистолярном дискурсе как носитель определенных внутренних качеств, являющийся активным субъектом речевого общения и обладающий возможностью включаться в социальные отношения. Специфика этих отношений как раз и позволяет ему проявить весь спектр внутренних характеристик.

Речевые ипостаси человека, сформулированные в современной лингвистике, включают в себя интеллектуальную, коммуникативную, национально-культурную, речетворческую, характерологическую и аксиологическую (Л.Б. Никитина). Все они представлены в дружеских письмах, но эпистолярные фразеологические репрезентации концепта «человек» в большей степени направлены на отражение коммуникативной, характерологической и аксиологической ипостасей, характеризующихся разнообразием и неоднородностью. Человек предстает как воплощение и

средоточие противоположностей. В нем находят свое отражение как положительные (внутренняя сила, решимость, радость, самореализация и т.п.), так и отрицательные составляющие (напрасные усилия, сумасшествие, уныние, обреченность, пьянство и т.п.). При этом важнее портретного воплощения человека оказывается его внутреннее наполнение - «субъектная ипостась концепта», подробно представленная в дружеских письмах посредством микроконцептов «внутренние характеристики человека», «чувства и эмоции человека». Богатство внутреннего мира получает возможность проявиться благодаря «деятельностной» составляющей концепта: «интеллектуальная жизнь человека», «отношения между людьми» «деятельность человека», «речевая деятельность человека». Частотность объективации в речи того или иного концепта обусловлена особенностями дискурса.

Креативность писем на уровне фразеологии проявляется через авторские преобразования фразеологических единиц.

В нашей работе мы используем классификацию, предложенную И.Ю. Третьяковой, являющейся, на наш взгляд, наиболее доказательной, четко структурированной и вбирающей в себя основные способы преобразования ФЕ в речи. И.Ю. Третьякова выделяет две группы способов использования ФЕ в речи: 1). Использование контекстных актуализаторов – слов, фразеологизмов, словосочетаний или предложений, семантически связанных с употребляющимися в данном контексте ФЕ. 2). Изменение грамматической формы и синтаксической структуры. Актуализаторами в семантике ФЕ в этом случае являются компоненты и грамматическая структура самой ФЕ.

Согласно данной концепции, приемы использования лексических и фразеологических языковых средств можно разделить на три большие группы: Внутренние (семантические) приемы касаются изменения семантической стороны исследуемых единиц. Семантическая трансформация может достигаться путем использования антонимических и синонимических потенций слов и фразеологизмов, их стилистических возможностей и свойств. Внешние (структурные) приемы предполагают изменение формы без изменения семантики, расширение синтагматических возможностей (привычной сочетаемости), употребление нетрадиционной синтаксической позиции, нарушение грамматических, лексико-синтаксических связей. Комплексные (структурно-семантические) приемы совмещают в себе трансформацию структуры с изменением значения, предполагая высвечивание внутренней формы слова или фразеологизма, нарушение фразеологических «сил притяжения» путем замены одного из компонентов.

Внутренние приемы преобразования узуальных ФЕ в частной переписке А.С.Пушкина представлены следующими разновидностями:

1) Наполнение ФЕ новым смысловым содержанием (создание семантических окказионализмов). Семантические окказионализмы отмечены в письмах А.С. Пушкина, И.И. Пущина и Н.М. Языкова, например: ФЕ **и в хвост и в голову** в тексте письма имеет значение – «полностью, основательно»: *Постараюсь узнать ее и в хвост и в голову и сообщить историю впечатлений (...)* (Н.М. Языков А.М. Языкову, 11 февр. 1823 г.). В узусе фразеологизм имеет значение

«вовсю, изо всех сил, очень сильно» [ФССРЛЯ, т. 2, с. 671; ФСРЛЯ, т. 2, с. 344]. Сема «интенсивности действия» сохраняется и в окказиональном фразеологизме, помогая передать автору степень заинтересованности в результате.

2) Контекстное толкование значения ФЕ: *Я от раутов в восхищении и отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды (дай бог ей ни дна ни покрываши; т.е. ни Италии, ни графа Ричи!)*. (А.С. Пушкин П.А. Вяземскому, ок. 25 янв. 1829 г.). В узуальном употреблении ФЕ имеет следующее значение: **ни дна ни покрываши** – «пожелание неудачи, несчастья» [ФССРЛЯ, т. 1, с. 335; ФСРЛЯ, т.1, с. 204; ФСРЯ, с. 140]. Авторские пояснения, как видно из контекста, вносят значительные изменения в семантическую структуру ФЕ, усиливая отрицательный эффект воздействия.

3) Намеренная тавтология: *Черт поберу вашу свадьбу, свадьбу вашу черт поберу*. (А.С. Пушкин А.А. Дельвигу, 20 февр. 1826 г.). А.С. Пушкин повторяет не просто ФЕ, но всю конструкцию в целом, в первой фразе помещая фразеологизм в препозицию, а во второй — в конец всего предложения. Повтор в данном случае используется автором для выражения своего возбужденного эмоционального состояния.

4) Создание фразеологически насыщенного контекста: *До сих пор жалею, душа моя, что мы не столкнулись с тобой на Кавказе; могли бы мы и стариной тряхнуть, и попovesничать, и в язычки постучать*. (А.С. Пушкин А.А. Шишкову, август - ноябрь 1823 г.). ФЕ не вступают ни в какие системные отношения друг с другом, а являются средством номинации разных понятий: **до сих пор** – доньне, **тряхнуть стариной** – поступить так, как в молодости, **в язычки постучать** – болтать попусту. Дружеская переписка чрезвычайно эмоциональна. Фразеологическое насыщение еще более повышает эмоциональную и экспрессивную тональность текста. Кроме того, подобное функционирование фразеологических единиц позволяет автору письма реализовать прагматическую функцию: повлиять на эмоциональную и интеллектуальную сферы адресата.

Внешние приемы - эллиптирование ФЕ и дистанцирование компонентов ФЕ.

Употребление ФЕ в эллиптической форме чаще всего выполняет функцию лаконизации речи. Реже – помогает передать эмоциональное возбуждение автора: *Вот Вам Ваши письма. Должно будет вымарать казенные официальные фразы и также некоторые искренние, душевные слова, ибо не мечите etc.* (А.С. Пушкин А.И. Тургеневу, 16 янв. 1837 г.). – ФЕ НЕ МЕТАТЬ БИСЕР ПЕРЕД СВИНЬЯМИ.

Дистанцирование встречается в письмах крайне редко: *Что ты сделал для Дмитриева (которого ты один еще поддерживаешь), то мы требуем от тебя для тени Карамзина — не Дмитриеву чета!* (А.С. Пушкин П.А. Вяземскому, 9 ноября 1826 г.). Акцент в данном контексте смещен на фамилию Дмитриев, которую А.С. Пушкин поместил между компонентами ФЕ. Нарушая целостность структуры фразеологизма, чужеродная лексема не может не

обратить на себя внимание читателя, выполняя тем самым эмоционально-усилительную и конкретизирующую функции.

Наиболее представлены комплексные приемы авторского преобразования фразеологизмов.

1) Дефразеологизация - употребление ФЕ в качестве свободного сочетания слов, при котором происходит реальное восстановление смысла выражения, создается двуплановость значения: (...) *Как мог ты сойти в арену вместе с этим хилым кулачным бойцом—ты сбил его с ног, но он облил бесславный твой венок кровью, желчью и сивухой (...)*. (А.С. Пушкин П.А. Вяземскому, 2 янв. 1822 г.). Контекст помогает «оживить» первоначальные лексические значения компонентов фразеологизма. Иногда для этого достаточно только одного слова, иногда словосочетания или предложения. Контекст в этом случае может выполнять пояснительную функцию.

2) Перифраза ФЕ с сохранением ее определенных компонентов (перифраза – описательный оборот речи, применяемый для замены слова, словосочетания или фразеологизма с целью придать повествованию бо́льшую выразительность, подчеркнуть характерные признаки того, что заменено): *Беда только в том, что народ все пустой большей частью с пушком на рыльце (...)*. (И.И. Пущин Е.А. Энгельгардту, 12 июля 1845 г.). Автором модифицирована узуальная фразеологическая единица РЫЛЬЦЕ В ПУШКУ - причастный к неблагоприятному поступку. Согласно особенностям восприятия информации, последнее сказанное слово (в нашем случае – компонент фразеологизма) запоминается всегда лучше и обращает на себя внимание собеседника. Такое расположение компонентов позволяет автору на ассоциативном уровне соотнести образ народа с неблагоприятным образом «свиньи», но сделать это в мягкой, необидной форме, используя узуальный компонент с уменьшительно-ласкательным суффиксом («рыльце»).

3) Вклинивание - появление местоимения в пределах фразеологической единицы - не нарушает цельности, единства фразеологического значения как такового. Оно служит, как правило, для усиления, ослабления или уточнения смысла, для акцентирования внимания читателя на описываемом явлении, выполняя стилистическую функцию интенсивности. При этом структура ФЕ в узусе непроницаема. *По молодости твоих лет, может быть, я и ошибаюсь*. (И.И. Пущин Г.С. Батенькову, 25 марта 1859 г.).

4) Фразеологическое развертывание - намеренное выявление мотивирующей фразеологизм внутренней формы через утрату устойчивости и употребления компонентов в роли свободных слов (при общем образном тождестве фразеологического контекста и фразеологической единицы) Образность как дифференциальный признак фразеологизма играет в этом случае главную роль: *Не мешай мне в моем ремесле—пиши сатиры хоть на меня, не перебивай мне мою романтическую лавочку*. (А.С. Пушкин А.Г. Родзянке, 8 дек. 1824 г.). Значение ФЕ **перебивать / перебить лавочку** - мешать в осуществлении какого-либо дела трансформируется в тексте письма. Прежде всего, осуществляется конкретизация (романтическая лавочка). Введение в структуру фразеологизма зависимого слова, являющегося свободным в своем

употреблении, в данном контексте приводит к появлению возможности нового значения трансформированной ФЕ - не сбивать с романтического настроения.

5) Замена одного из компонентов ФЕ. Прием замены компонентов приводит к выделению, подчеркиванию фразеологизмов в тексте. При этом автор преследует, как правило, несколько целей: конкретизация значения фразеологизма, усиление образности, внесение дополнительных смысловых и коннотативных оттенков, усиление экспрессии. Замена компонента ФЕ осуществляется на основе парадигматических связей этих компонентов с единицами лексико – фразеологической системы языка. Иногда замена одного из компонентов ФЕ влечет за собой появление подтекста, вызванного отрицательной эмоционально-оценочной окраской узуального фразеологизма или интенсивностью совершения действия, обозначаемого фразеологической единицей. Обратимся к письмам: *Стихотворений помещать не намерен, ибо и Христос запретил метать бисер перед публикой, на то проза—мякина.* (А.С. Пушкин М.П. Погодину, первая половина сентября 1832 г.). Узуальный фразеологизм **метать бисер перед свиньями** – говорить или доказывать тому, кто не способен понять - изначально обладает отрицательной оценочной окраской. Основную оценочную нагрузку несет на себе компонент-существительное СВИНЬЯ в силу своего первоначального лексического значения, утратившего во фразеологической единице самостоятельность. Эта отрицательная оценка переносится на авторский компонент ПУБЛИКА. Формируется определенное авторское отношение, которое легко воспринимается читателем.

б) Семантическая инверсия. Семантическая инверсия вызвана изменением внутрифразеологических синтаксических связей между компонентами фразеологизма, в изменении отдельных грамматических признаков знаменательных компонентов, утрате или замене служебных компонентов. Часто грамматические изменения сопровождаются смысловыми. Особое внимание в этом аспекте привлекает окказиональный фразеологизм, созданный А.А. Дельвигом, - ПРИВЕДЕТ БОГ. ФЕ образована от узуальной – НЕ ПРИВЕДИ БОГ. Модификация формы (утрата отрицательной частицы и изменение склонения глагольного компонента) сопровождается появлением диаметрально противоположного по сравнению с узусом значения - выражение пожелания чего-либо: (...) *поезжай в Москву, и там, **приведет бог, скоро увидимся.*** (А.А. Дельвиг В.К. Кюхельбекеру, март – май 1823 г.).

7) Создание устойчивых сочетаний по аналогии с уже существующими в языке ФЕ: **Кесарева Кесарю, а Гнедичева Гнедичу** (по аналогии с **кесарево кесареви, а Божие Богови**), **по перу** (по аналогии с **по плечу**), **перо не поворачивается / не повернется** (по аналогии с **язык не поворачивается / не повернется**), **попадаться / попасться под перо** (по аналогии с **попадаться / попасться под руку**) и др.

8) Создание устойчивых сочетаний, аналогий которым в языке не зафиксировано: **без распашки, выходить / выйти из кармана, гусиной тропой идти, делать / сделать налево кругом, пускать / пустить грамотку, стоять / стать на короткую ногу, за пазухой, в стойку, ради соли, под**

куражем, исполненный Бахуса, на лихах, сворачивать / своротить телегу (чью) с колес, виснуть / повиснуть на губах (у кого), спрыгнуть с курка, тринкену задать, сидеть на сухариках, в пальцах. Обратимся к контексту: *Но Марья Николаевна редко мне пишет – потому и я не так часто к ней пишу. Со мной беда. Как западет мысль, что я наскучаю, так непременно налево кругом сделаю.* (И.И. Пущин Н.Д. Фонвизиной, 7 ноября 1841 г.). Значение окказиональной ФЕ – уйти, исчезнуть.

9) Инверсия (изменение порядка следования компонентов ФЕ). Среди приемов авторского преобразования ФЕ изменение порядка следования компонентов в синтаксической структуре является одним из наиболее частотных и служит для акцентирования актуальной информации и выражения эмоционального состояния. В дружеских письмах пушкинского периода ему подвергаются 31 ФЕ (59 употреблений), например: *Но, бога ради, чтоб никто не знал из неосторожных, что я кой-как к вам постучался в дверь – и на минуту перенесся в круг доброй семьи, которую вечно буду любить.* (И.И. Пущин Е.А. Энгельгардту, 14 марта 1830 г.).

Приемы модификации фразеологических единиц обусловлены тремя принципами: эстетическим; функциональным и компенсаторным.

Третья особенность дискурсивной эпистолярной фразеологии – ее **полифункциональность**. Являясь средством номинации и одновременно неся стилистическую нагрузку, ФЕ в дружеских письмах выполняют следующие функции: общеязыковые (основные) и речевые. В число основных функций (функций первого уровня) входят коммуникативная, когнитивная и совокупность семантических (семантико-грамматических) функций, реализующихся в двух разновидностях: 1) это функции, которые свойственны фразеологическим единицам различных семантико-грамматических классов вне зависимости от того, в каком контексте данная ФЕ реализуется; 2) функции, определяющиеся спецификой фразеологического значения и проявляющиеся у ФЕ вне зависимости от контекста (экспрессивно-образную, прагматическую, оценочную и т.п.). На втором уровне (речевом) реализуются функции фразеологических единиц, проявляющиеся в контексте и зависящие от использованных автором приемов преобразования ФЕ. Все уровни реализации функций тесно взаимосвязаны между собой. Так, например, функцию лаконизации речи (как разновидность прагматической функции) могут выполнять эллиптированные ФЕ. Функция лаконизации речи часто сопровождается функцией интенсивности и эмоционально-экспрессивной функцией. Сокращение состава ФЕ приводит к увеличению эмоциональности в рамках контекста, например: (...) *в утешение нашел я ваши письма и «Марфу».* *И прочел ее два раза **духом**.* (А.С. Пушкин М.П. Погодину, последние числа ноября 1830 г.). Значение эллиптированной фразеологической единицы в узусе – сразу, моментально – интенсифицируется за счет сокращения состава фразеологизма.

Функциональная значимость ФЕ в письмах определяется дифференциальными признаками языковых единиц. Разнообразие речевых функций определено самой природой речи, которая полифункциональна.

Возможность выявить специфику **диссимметрии** как свойства дискурса во фразеологии открывается при совмещении синхронического и диахронического аспектов анализа с учетом двух основных признаков языковой диссимметрии – вариантности и динамичности. Диссимметрия возможна при сознательном отказе от шаблонов общения, при активном участии коммуникантов в динамических процессах, создающих вариантность в структуре и в содержании дискурса, и при способности самого дискурса гармонично перерабатывать и усваивать результаты речевой деятельности участников взаимодействия.

Анализ специфики проявления диссимметрии в сфере фразеологии возможен на двух уровнях:

1) Диссимметрия в использовании фразеологических единиц различными авторами, обусловленная особенностями личностей автора и адресата. В этом аспекте феномен диссимметрии теснейшим образом связан с особенностями личности каждого из создателей эпистолярного дискурса, с уровнем коммуникативной компетентности автора и адресата, способного воспринимать проявления диссимметрии. При общем соблюдении закономерностей функционирования единиц языка (например, фразеологизмов) в речи, каждый из авторов характеризуется своими особенностями использования ФЕ в письмах. Прежде всего, это проявляется в количестве и частоте употребления фразеологизмов семантико-грамматических классов в письмах, в характере окказиональных преобразований ФЕ, в использовании устаревших форм фразеологизмов.

Так, например, средние процентные показатели употребления фразеологизмов различных семантико-грамматических классов приблизительно совпадают в письмах разных авторов. Однако различия, тем не менее, наблюдаются. Преобладающий класс качественно-обстоятельственой фразеологии не одинаково значим в эпистолярной Н.М. Языкова и И.И. Пущина. Важность грамматической фразеологии определяется процентными показателями, колеблющимися в пределах от 35,3 % (в письмах А.И. Одоевского) и до 13,3 % (в письмах А.А. Дельвига). Подобные статистические данные обнаруживаются и при анализе устаревшей фразеологии, функционирующей в эпистолярной отдельных адресантов. В письмах А.И. Одоевского ее удельный вес чрезвычайно мал (2% от общего числа употребленных ФЕ). Письма А.С. Грибоедова отличаются более высокой частотой использования устаревших ФЕ (10% от общего числа употребленных ФЕ).

2) Диссимметрия обусловлена спецификой дружеского письма как процесса речевого поведения. Форма проявления диссимметрии - амфиболия, средством реализации которой могут выступать авторские модификации фразеологизмов.

Содержание дискурсивного эпистолярного общения во многом определялось эпистолярной традицией первой трети XIX века, связанной с «публичностью» дружеских писем. Каждый автор знал, что письмо прочтут не только непосредственный адресат, но и его ближайшее окружение, и, в глобальном масштабе, текст будет известен потомкам. Поэтому часть

информации подвергалась кодированию и была доступна для понимания исключительно непосредственному адресату. Кроме того, во времена А.С. Пушкина почтовая корреспонденция вскрывалась государственными чиновниками, что понижало степень искренности авторского изложения, заставляло авторов скрывать, прятать в подтекст часть информации. Для подобной кодировки фразеологизмы подходили как никакой другой речевой материал, поскольку именно во фразеологических единицах наблюдается несовпадение плана содержания и плана выражения (языковая асимметрия). Поэтому фразеология становилось средством выражения амфиболии - фигуры речи, состоящей в таком употреблении фразеологизмов, которое допускает два различных толкования. Коммуниканты эпистолярного дискурса могут оперировать понятиями с расплывчатыми границами, хотя и с четким ядром. Границы значения фразеологизма размываются в умело подобранном контексте через использование приемов модификации фразеологизмов, описанных выше. Создается двусмысленность, позволяющая вербально обозначать любой объект, который необходимо скрыть от посторонних глаз «незваного» коммуниканта.

В четвертой главе «Лексикографическое описание фразеологии дружеских писем первой трети XIX века» поднимаются вопросы, связанные с проблемой отражения фразеологии пушкинского периода в словарях русского языка; разрабатывается общая концепция словаря фразеологии дружеских писем первой трети XIX века и определяется его тип, описывается структура словаря и варианты оформления словарных статей.

Выявленные в работе структурно-семантические и дискурсивные особенности фразеологии дружеских писем первой трети XIX века до сих пор в полном объеме не отражались лексикографическими источниками русского языка. В связи с этим возникла необходимость составления словаря, способного системно представить результаты проведенного исследования.

Согласно научной лексикографической традиции, фразеологизмы, функционирующие в языке первой трети XIX века, традиционно включаются в состав современного русского языка. Такой подход часто искажает историческую перспективу, поскольку фразеологические словари XX столетия не отражают изменений, происходящих во времена А.С. Пушкина в сфере фразеологии. Для всех без исключения современных фразеологических словарей характерно использование в качестве источников иллюстративного материала адаптированных, подвергшихся литературной правке текстов, не отражающих особенности орфографии конкретной языковой эпохи. В словарях современного русского языка не отражены: 1) фразеологизмы, имеющие орфографические варианты в языке пушкинского периода; 2) семантические изменения фразеологических единиц, произошедшие за последние 200 лет, 3) изменения в употреблении, в том числе изменения, связанные с переходом фразеологизмов из активного в пассивный словарный запас. В процессе исследования выявлен корпус фразеологизмов, вообще не фиксирующихся словарями XX столетия. В связи с этим возникла необходимость автономной лексикографической фиксации фразеологии, функционирующей в первой трети

XIX века, источником которой могут послужить эпистолярные тексты, максимально приближенные к разговорной речи.

Цель фразеологического словаря дружеских писем пушкинского периода – описать фразеосферу дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века, опираясь на специфику употребления фразеологизмов (через особенности функционирования ФЕ различных семантико-грамматических классов разными авторами, открывающие возможность полевого, концептуального и культурологического анализа фразеосистемы).

Словарь фразеологии дружеских писем первой трети XIX века

- 1) отражает структурно-семантические особенности фразеологизмов;
- 2) является нормативным (по отношению к исследуемому периоду в развитии языка);
- 3) охватывает первую треть XIX столетия в истории русского языка; охватывает все фразеологизмы, употребленные в эпистолярной (ФЕ как узуального, так и окказионального характера);
- 4) акцентирует внимание на семантико-грамматических классах фразеологизмов, функционирующих в письмах;
- 5) использует весь спектр стилистических помет, представленный современными фразеологическими словарями;
- 6) толкует значение фразеологизмов через синонимичное слово, через сочетание “такой, который...”, использует описательный способ толкования значения (при этом толкование значений ФЕ определяется ее принадлежностью к семантико-грамматическому классу);
- 7) в случае необходимости объясняет мотивированность окказиональных описываемых единиц; отражает семантические отношения фразеологизмов (полисемию, омонимию, антонимию);
- 8) максимально полно показывает особенности реализации фразеологизмов в контексте;
- 9) в случае необходимости указывает происхождение фразеологизмов (это касается окказиональной фразеологии и тех узуальных ФЕ, которые появились и стали активно употребляться в период первых трех десятилетий XIX века);
- 10) привлекает количественные показатели употребления отдельных фразеологизмов, являющихся высокочастотными (при условии, что выявленные контексты функционирования ФЕ однотипны);
- 11) имеет два указателя (алфавитный указатель и указатель фразеологизмов по семантико-грамматическим классам), что в значительной степени облегчает работу со словарем;
- 12) дает сведения о различных трактовках значения фразеологизмов (если таковые имеются), их стилистической окраске, особенностях отражения формы в словарях русского языка разных лет;
- 13) в случае необходимости прибегает к генетическому сопоставлению фразеологической единицы и ее значения с родственным языком; обращение к неродственным языкам использует только при описании заимствованных в

первой трети XIX века фразеологизмов (как правило, из французского языка).

Все перечисленные выше особенности Словаря позволяют непосредственно обратиться к определению его типа. Опираясь на разработанные основы классификации словарей Л.В. Щербы, мы полагаем, что Словарь фразеологии дружеских писем первой трети XIX века 1) относится к типу толковых (именно в толковых словарях объясняются значения словарных единиц, приводятся их стилистические пометы, указывают границы их употребления); 2) является словарем тезаурусного типа. Тезаурус предлагает исчерпывающее количество употреблений, отражая речевую действительность. Именно такой тип словаря наиболее удобен для отражения дискурсивной природы дружеского эпистолярия, поскольку особенности эпистолярного общения проявляются исключительно в контексте. Чем полнее и разнообразней примеры контекстуальной реализации фразеологизмов, тем рельефней и ярче проявляются дискурсивные свойства дружеского письма; 3) приближается к историческому типу словарей (в концепции В.В. Виноградова и Л.В. Щербы).

Воссоздать историю фразеологизма крайне сложно. Но, не претендуя на полноту отображения всех особенностей эпистолярной фразеосферы первой трети XIX века, тем не менее, словарь дает представление о специфике формирования фразеосистемы русского языка в рамках дружеского эпистолярного дискурса, максимально приближенного в живой разговорной речи.

Единицами словаря являются фразеологизмы, которые, по терминологии В.В. Виноградова, квалифицируются как единства и сращения. Словарная статья включает в себя несколько значимых компонентов: заголовочное слово (фразеологизм) со всеми его структурными вариантами, его стилистическая характеристика, указание на особенности функционирования фразеологической единицы, значение (или несколько значений), примеры употреблений и примечание (историческая справка, указание на изменение структуры, семантики и сферы употребления фразеологизма со ссылками на различные лексикографические источники; справка о времени появления ФЕ в русском языке, проблема определения авторства фразеологизма, указание на причины появления окказионального фразеологизма). Отдельно в словаре отмечены фразеологизмы, выходящие из употребления в современном русском языке и совсем не употребляющиеся в настоящее время (являющиеся архаизмами).

Приведем некоторые примеры словарных статей:

ТОЧЬ В ТОЧЬ Устар. XIX – совершенно точно.

Не по длинной бороде, а впрочем во всем ТОЧЬ В ТОЧЬ Ломоносова Государыня Елисавета, Дщерь Петрова.

А.С. Грибоедов П.А. Катенину, февраль 1820 г.

В словарях современного русского языка ТОЧЬ-В-ТОЧЬ имеет помету «разг.» (Ожегов, с. 699).

ТОЧЬ В ТОЧЬ (СЦС (2), т. 4 (т. 3-4), с. 611; Вейсманнов, с. 252; САР 1, т. 6, ст. 215; СЯП, т. 4, с. 585; Михельсон, с. 893; Палевская, с. 335).

ДО ПОРЫ(,) ДО ВРЕМЕНИ (ДО ВРЕМЕНИ – Устар.) – временно, пока, до определенного момента.

Все это между нами ДО ПОРЫ ДО ВРЕМЕНИ.

И.И. Пущин М.А. Фонвизину, 28 апреля 1840 г.

Насчет моего путешествия, о котором прошу ДО ВРЕМЕНИ не говорить, я пустил брандера.

И.И. Пущин Я.Д. Казимирскому, 20 ноября 1848 г.

Следовательно, мы решились молчать ДО ПОРЫ ДО ВРЕМЕНИ и нести все упрёки (...)

И.И. Пущин М.Н. Пушкиной, 10 июня 1857 г.

Постой, однако, и пишу и боюсь; лучше ничего не говори ей, ДО ПОРЫ, ДО ВРЕМЕНИ, а только кланяйся и поцелуй.

А.С. Грибоедов С.Н. Бегичеву, август 1824 г.

Но действовать страхом и щедротами можно только ДО ВРЕМЕНИ; одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы со знаменами победителей.

А.С. Грибоедов С.Н. Бегичеву, 7 декабря 1825 г.

О последнем я не могу судить сам ДО ПОРЫ ДО ВРЕМЕНИ (...)

Н.М. Языков обоим братьям, 21 июня 1823 г.

(...) но прошу еще ДО ВРЕМЕНИ не приписывать сухости моих писем постороннему влиянию (...)

Н.М. Языков А.М. Языкову, 23 марта 1823 г.

Один Аладьин не перестает надеяться, что я буду отвечать стихами на его просительную прозу, а я молчу ДО ПОРЫ ДО ВРЕМЕНИ.

Н.М. Языков А.М. Языкову, 5 мая 1826 г.

В современном русском языке ФЕ квалифицируется как **разговорная** (ФСРЛЯ, т. 2, с. 130).

ДО ВРЕМЕНИ (БАСРЯ, т. 3, с. 238 помета «Устар»; ФССРЛЯ, т. 1, с. 181 помета «устар.»).

Словарь представляет собой историческую проекцию, отражающую и структуру, и семантику, и сферу употребления, и особенности функционирования фразеологизмов.

В заключении обобщаются результаты исследования.

Дружеские письма первой трети XIX столетия являются уникальным объектом изучения в лингвистике. Они, с одной стороны, отражают особенности происходящих в языке изменений, с другой – позволяют проанализировать проявления дискурсивной природы эпистолярного взаимодействия.

Дружеский эпистолярный дискурс пушкинского периода характеризуется некоторыми общими для всех дружеских писем первой трети XIX века особенностями: антропоцентричностью, креативностью, полифункциональностью, диссимметрией. Все выявленные дискурсивные свойства эпистолярия реализуются посредством фразеологии, функционирующей в письмах первой трети XIX века.

Фразеологический массив дружеского эпистолярия обширен и разнообразен. Особо обращают на себя внимание ФЕ, не отраженные в словарях

современного русского языка, но активно употребляющиеся в текстах писем; и орфографические варианты фразеологизмов, большинство из которых либо устарели и ушли из употребления, либо стали писаться слитно и словарями квалифицируются как слова. Данный факт демонстрирует наличие глубоких изменений во фразеологической системе первой половины XIX века.

Дискурсивная природа дружеского письма проявляется на уровне фразеологии, во-первых, при концептуальном анализе, демонстрирующем антропоцентричность письма. Во-вторых, при изучении авторских преобразований фразеологических единиц как форме проявления креативности писем. В-третьих, при выявлении всего разнообразия функций фразеологизмов дружеского эпистолярия. В-четвертых, при анализе функциональной диссимметрии фразеосферы через: 1) употребление фразеологических единиц различными авторами; 2) использование фразеологизмов, обусловленное условиями эпистолярного общения.

Выявленные структурно-семантические и дискурсивные особенности фразеологии дружеских писем первой трети XIX века до сих пор не нашли своего отражения в лексикографии. Поэтому словарь фразеологизмов дружеских писем пушкинского периода призван показать динамичность фразеологической системы пушкинского периода, отразить фразеологические единицы в употреблении, свидетельствующем о дискурсивной природе дружеского эпистолярия, в частности, через особенности функционирования ФЕ различных семантико-грамматических классов. Такой подход открывает возможности полевого, концептуального и культурологического анализа фразеосистемы. Словарь является своего рода исторической проекцией, которая выглядит тем убедительнее, чем более полно представлен фразеологизм в словарной статье: и структура, и семантика, и сфера употребления и особенности функционирования в синхронии и диахронии одновременно.

Совокупность описанных системных и дискурсивных характеристик фразеологии дружеских писем пушкинского периода представлена как взаимообусловленное взаимодействие. Структурно-семантический и функциональный анализ предшествует, сопровождает и определяет дискурсивный подход при выявлении особенностей фразеосистемы дружеского эпистолярия. Такое комплексное исследование позволяет описать особенности фразеологии в период ее формирования не как статичного явления, а как динамической системы, рождающейся и развивающейся в живой речи.

Разработанная дискурсивная теория дружеского письма открывает возможности исследования дискурсивных текстов различного типа. Совмещение разных направлений в изучении фразеологии позволяет выявить тенденции развития фразеологической системы в контексте речевого общения, то есть не просто констатировать наличие динамики в сфере фразеологии, но и определять условия, а иногда и причины происходящих изменений.

**Основные положения диссертации
получили отражение в следующих публикациях:**

Монографии:

1. Фесенко О.П. Фразеология писем А.С. Пушкина: монография / О.П. Фесенко. – Омск: Изд-во Омского ин-та предпринимательства и права, 2005. – 320 с. (20 п.л.).
2. Фесенко О.П. Дружеский эпистолярный дискурс пушкинской поры: монография / О.П. Фесенко. – Омск: Изд-во Омского экономического ин-та, 2008. – 128 с. (8 п.л.).
3. Фесенко О.П. Фразеология дружеского эпистолярного дискурса пушкинской поры / О.П. Фесенко. – Омск: Изд-во Омского экономического ин-та, 2009. – 156 с. (9,75 п.л.).

Словарь:

4. Фесенко О.П. Словарь фразеологизмов писем И.И. Пущина / О.П. Фесенко. – Омск: Изд-во Омского экономического ин-та, 2007. – 112 с. (7 п.л.).

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

5. Фесенко О.П. Жанровые особенности дружеских писем И.И. Пущина / О.П. Фесенко // Омский научный вестник. – 2006. – № 1 (34). – С. 208-210 (0,38 п.л.).
6. Фесенко О.П. Модели фразеологизмов писем И.И. Пущина / О.П. Фесенко // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 295 (февраль). – С. 51 – 54 (0,4 п.л.).
7. Фесенко О.П. Орфографические варианты фразеологизмов первой половины XIX века (на материале дружеской переписки) / О.П. Фесенко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 3 (104): Филология. Искусствоведение, вып. 18. – С. 132 - 138 (0,5 п.л.).
8. Фесенко О.П. Жанровые особенности дружеских писем Е.А. Боратынского / О.П. Фесенко // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 1 (57). – С. 143 -146 (0,4 п.л.).
9. Фесенко О.П. Фразеологический каламбур в дружеских письмах первой половины XIX века / О.П. Фесенко // Сибирский филологический журнал. – 2008. - № 1. – С. 114-118 (0,2 п.л.).
10. Фесенко О.П. Особенности орфографического варьирования фразеологизмов в письмах А.С. Грибоедова как отражение общих тенденций развития эпистолярной фразеосферы первой половины XIX века / О.П. Фесенко // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, кн. 2. – С. 119-124 (0,35 п.л.).
11. Фесенко О.П. Дружеское письмо как дискурсивный гипержанр / О.П. Фесенко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер.: Филология. – 2008. – № 2 (12). – С. 166-173 (0,38 п.л.).
12. Фесенко О.П. И нам он сердце шевелит... / О.П. Фесенко // Русская речь. – 2008. – №3 (май-июнь). – С. 13-14 (0,1 п.л.).
13. Фесенко О.П. Конвенциональность дружеского письма как жанровый признак / О.П. Фесенко // Известия Волгоградского педагогического

университета. Сер.: Филологические науки. – 2008. – № 7 (31). – С. 74-76 (0,3 п.л.).

14. Фесенко О.П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс / О.П. Фесенко // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 23 (124). – Вып. 24. – С. 132-143 (0,9 п.л.).
15. Фесенко О.П. Проблема отражения фразеологии пушкинской поры в словарях русского языка / О.П. Фесенко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер.: Филология. – 2009. – № 2 (26). – С. 175-183 (0,3 п.л.).

Публикации в журналах, сборниках статей, материалах конференций и других изданиях:

16. Фесенко О.П. Особенности употребления фразеологизмов в письмах А.С. Пушкина / О.П. Фесенко // Гуманитарные исследования: ежегодник: сб. ст. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – Вып. 7. – С. 182-185 (0,4 п.л.).
17. Фесенко О.П. Жанровые особенности частной переписки (на материале писем А.С. Пушкина) / О.П. Фесенко // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы междунар. науч.-метод. конф. – Уссурийск, 2003. – С. 90-92 (0,4 п.л.).
18. Фесенко О.П. Стилистическая окраска фразеологизмов писем И.И. Пущина / О.П. Фесенко // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы IX междунар. науч.-метод. конф. – Уссурийск, 2007. – С. 116 - 118 (0,4 п.л.).
19. Фесенко О.П. Речевой этикет в дружеских письмах первой половины XIX века / О.П. Фесенко // Системное и асистемное в языке и речи: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 10-13 сент. 2007г.) / под ред. М.Б. Ташлыковой. – Иркутск, 2007. – С. 712 – 717 (0,4 п.л.).
20. Фесенко О.П. Дружеские письма А.С. Грибоедова: опыт классификации / О.П. Фесенко // МОСТ (язык и культура) - BRIDGE (language & culture). – 2007. – № 20. – С. 61 – 64 (0,4 п.л.).
21. Фесенко О.П. Дискурс как объект лингвистического исследования / О.П. Фесенко / О.П. Фесенко // Современные научные исследования: теория, методология, практика: сб. науч. тр. профес.-преподават. состава по итогам отчетов каф. обществ. наук по НИР за 2006 г. / под ред. А.И. Барановского. – Омск, 2007. – Вып. 1., т. 3. – С. 178-199 (0,8 п.л.).
22. Фесенко О.П. Роль фразеологизмов различных семантико-грамматических классов в формировании фразеостилия А.А. Дельвига / О.П. Фесенко // Пространство культуры: исторические, философские и антропологические аспекты: материалы регион. науч.-практич. конф. – Омск, 2008. – С. 159-164 (0,4 п.л.).
23. Фесенко О.П. Креативность эпистолярного дискурса первой трети XIX века / О.П. Фесенко // Креативная языковая личность в этносоциокультурном и прагмалингвистическом контексте: материалы междунар. конф. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива» (Екатеринбург, 24-26 апр. 2008 г.). – Екатеринбург, 2008. – С. 192-196 (0,35 п.л.).

24. Фесенко О.П. К вопросу о функциях дружеского письма / О.П. Фесенко // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы X междунар. науч.-метод. конф. – Уссурийск, 2008. – С. 186-188 (0,4 п.л.).
 25. Фесенко О.П. Диссимметрия дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века / О.П. Фесенко // Известия Южного федерального университета. – 2008. - № 2. – С. 73-81 (0,8 п.л.).
 26. Фесенко О.П. Оказиональная фразеология дружеского эпистолярного дискурса как средство реализации коммуникативно-прагматической оси Я-ТЫ автора и адресата / О.П. Фесенко // LINGUISTICA JUVENIS: Дискурсивные практики в социокультурном аспекте: сб. науч. тр. молодых ученых.– Екатеринбург, 2008. – Вып. 10. – С. 106-110 (0,3 п.л.).
 27. Фесенко О.П. Концепт и фразеосемантическое поле: к проблеме сопоставления понятий / О.П. Фесенко // Языки культуры: историко-культурный, философско-антропологический и лингвистический аспекты: материалы регион. науч.-практич. конф. 6 февр. 2009г. – Омск, 2009. – С. 125-134 (0,6 п.л.).
 28. Фесенко О.П. Основные особенности фразеосемантики дружеского эпистолярного дискурса пушкинской поры / О.П. Фесенко // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием (28 окт. 2008 г.). – Уфа, 2008. – Т. 2. – С. 271-273 (0,3 п.л.).
 29. Фесенко О.П. Проявления креативности дружеского эпистолярного дискурса в письмах А.И. Одоевского / О.П. Фесенко // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XI междунар. науч.-метод. конф. – Уссурийск, 2009. – С. 136-138 (0,3 п.л.).
 30. Fesenko O.P. On gender notions correlation and individually - author's style (on material of the friendly letters) / O.P. Fesenko // Scientific notes. Vol. 4. – Krasnoyarsk. – 2006. – P. 84 – 85 (0,1 п.л.).
- И другие работы (всего 61).